

Дулесов Евгений Павлович

**МЕТАФОРА
В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале речей российских депутатов начала XX в.)**

Специальность 10.02.19 — Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре русского языка, теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: **Милютина Марина Георгиевна**
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», кафедра русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, профессор

Официальные оппоненты: **Будаев Эдуард Владимирович**
доктор филологических наук, доцент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», кафедра иностранных языков, теории и методики обучения, профессор

Зарипов Руслан Ирикович
кандидат филологических наук, ФГКВООУ ВО «Военный университет», Центр (лингвистический МО РФ), начальник группы

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (г. Екатеринбург)

Защита состоится «19» декабря 2019 г. в 13:00 на заседании диссертационного совета Д 212.275.06 на базе ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1, ауд. 003.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Автореферат размещен на официальных сайтах Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ (<http://vak.ed.gov.ru>) и ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (<http://udsu.ru>).

Автореферат разослан « ___ » _____ 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

О.Б. Стрелкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению особенностей функционирования политических метафор в парламентском дискурсе на примере речей российских депутатов начала XX в.

Актуальность темы исследования. Конец XX в. ознаменовался становлением новой научной парадигмы в языкознании — дискурсивно-когнитивной, в центре внимания которой оказались не системные свойства языка, а речь, «погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова). В связи с этим лингвистическое сообщество заинтересовала связь языка с прагматическими установками говорящего, мышлением, культурой, различными социальными институтами, т. е. лингвистика отказалась от идеи Ф. де Соссюра изучать язык «в самом себе и для себя самого», актуальным для нее стал учет экстралингвистических факторов в самом широком понимании.

Современная лингвистика все чаще обращается к реальным сферам функционирования языка, что обуславливает необходимость учитывать достижения других наук. Формируется широкое поле научной интеграции, в рамках которого активизируются междисциплинарные связи, возникают «зонтиковые» науки (Е.С. Кубрякова). На пересечении языкознания, политологии, истории, социальной психологии и некоторых других гуманитарных дисциплин возникла новая научная область — политическая лингвистика, или лингвополитология, представители которой устанавливают особенности концептуализации политической сферы в сознании человека через исследование языковых структур, а также выявляют способы речевого воздействия и манипуляции, задействованные в языке политики.

Одним из основных объектов изучения новой дисциплины закономерно стала метафора, поскольку, как показали исследования в русле когнитивной лингвистики, она является не просто украшением речи, риторическим приемом и способом формирования переносных значений, а базовой ментальной операцией, помогающей осмыслить окружающую действительность, и, кроме того, мощным средством речевого воздействия. В рамках политической лингвистики активно формируется особое направление — политическая метафорология.

Роль метафоры в политическом дискурсе сложно переоценить, поскольку она выполняет в нем целый спектр различных функций: с ее помощью политики пытаются осмыслить изменчивую политическую действительность, оценивают те или иные реалии, убеждают аудиторию в правильности своих взглядов и даже побуждают к определенным действиям.

Исследования политической метафоры проводятся на различном материале, при этом чаще всего анализируются тексты СМИ и личностные дискурсы широко известных политических лидеров. Значительно реже специалисты по метафорологии обращаются к особой разновидности институционального политического дискурса — парламентскому дискурсу. В то же время

функционирование метафоры в данном типе дискурса обладает своими особенностями, поскольку парламент — это «место встречи» различных политических партий, и каждый парламентский оратор, будучи выразителем определенной идеологии, стремится воздействовать как на коллег-депутатов, так и на все общество в целом. В парламентском дискурсе сталкиваются разнонаправленные коммуникативные стратегии, и метафора приобретает роль одного из орудий политической борьбы.

Большинство метафорологических исследований выполнено на материале современного дискурса, и лишь немногие лингвисты рассматривают функционирование метафоры в историческом политическом дискурсе. Вместе с тем анализ когнитивной метафоры в политическом дискурсе иных эпох представляется чрезвычайно важным: он позволяет реконструировать значимые для определенного периода концепты и языковую картину мира, характерную для отдельных политиков, общественно-политических течений и общества в целом, и тем самым вскрыть глубинные причины и закономерности важнейших исторических событий.

Начиная с 90-х гг. XX в. многие отечественные общественные и научные деятели подчеркивают необходимость изучения дореволюционного культурного наследия, забытого и запрещенного в советские годы. Однако тот богатый материал, который представляет собой дореволюционный политический дискурс, до сих пор остается почти не изученным с точки зрения лингвистики. Между тем исследование исторического политического дискурса этого периода, наполненного, как никакой другой, борьбой за власть и ее удержание, знаменитого не только своими политическими баталиями, но и колоритными языковыми личностями политических деятелей, обязательно должно принести свои плоды. Существует мнение, что «по семантике метафор можно изучать политическую историю страны»¹, поэтому анализ особенностей мировидения российских политиков начала XX века, отразившихся в их «метафорическом зеркале», поможет лучше понять глобальные политические процессы, предопределившие судьбу нашего государства.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена, с одной стороны, бурным развитием политической метафорологии, предлагающей новые механизмы и методики осмысления языковой действительности, а с другой — неизученностью метафорических процессов, характерных для дореволюционного парламентского дискурса.

Степень разработанности проблемы. Теоретической базой для настоящего диссертационного исследования прежде всего послужили работы, выполненные в рамках когнитивной теории метафоры на материале политического дискурса. Впервые когнитивная трактовка метафоры была представлена как целостная концепция в книге американских исследователей Дж. Лакоффа

¹ Виноградов С.И. Выразительные средства в парламентской речи // Русская речь. 1994. № 1. С. 47.

и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» 1980 г. Эта «библия» когнитивного подхода к метафоре (так назвал ее А.Н. Баранов) подтолкнула ученых к анализу метафор в самых разных областях человеческой деятельности. Функционирование метафоры в политике стало объектом пристального внимания многих зарубежных исследователей (Дж. Лакофф, Х. де Ландтсхеер, А. Мусолфф, О. Санта Ана, Д. Фертессен, Й. Цинкен, Дж. Чартерис-Блэк, П. Чилтон, С. Яворска и др.). С 90-х гг. XX в. когнитивное исследование политической метафоры бурно развивается и в отечественном языкознании (Л.В. Балашова, А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, М.Б. Ворошилова, Р.И. Зарипов, Ю.Н. Караулов, Р.Д. Керимов, И.М. Кобозева, О.Н. Кондратьева, О.А. Солопова, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов и др.). Важно подчеркнуть, что к анализу метафоры в языке политиков обращаются не только лингвисты, но и представители других гуманитарных наук: психологи, политологи, социологи и философы (М. Ландау, Дж.С. Мио, Р. Пэрис, Э. Рингмар и др.).

Большое значение для настоящей работы имели также труды, освещающие общие вопросы метафорологии, выполненные в рамках когнитивного и лексико-семантического направления (Л.М. Алексеева, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, О.Н. Лагута, С.Л. Мишланова, В.П. Москвин, З.И. Резанова, Г.Н. Скляревская, Т.Г. Скребцова, В.Н. Телия).

Невозможно анализировать метафору «в чистом виде», как нечто изолированное от других языковых и когнитивных явлений. В связи с этим большую ценность для подготовки данного диссертационного исследования имели работы, посвященные различным аспектам функционирования политического дискурса: способам речевого воздействия и манипуляции, речевым стратегиям и тактикам, прецедентным феноменам, жанрам политической речи и т. д. (П. Бэйли, Т.А. ван Дейк, Т.А. Воронцова, М.В. Гаврилова, Д.Б. Гудков, О.С. Иссерс, С.Г. Кара-Мурза, О.Л. Михалева, О.Н. Паршина, Н.Б. Руженцева, Г.Г. Хазагерров, Е.И. Шейгал и др.). Отдельно необходимо выделить немногочисленные исследования, в которых представлен анализ дореволюционной парламентской коммуникации (М.В. Гаврилова, С.А. Громько, А.В. Матвеев, О.А. Патрикеева, П.Б. Царьков).

Объектом диссертационного исследования являются метафоры, функционирующие в историческом парламентском дискурсе.

Предмет исследования — способы метафорического моделирования социально-политической реальности, а также метафорического воздействия и противодействия, используемые представителями разных политических партий и направлений.

Материалом диссертационной работы послужили стенограммы заседаний Государственной думы Российской империи, размещенные в оцифрованной форме на сайтах Российской национальной библиотеки (<http://nlr.ru>) и Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина (<https://www.prlib.ru>). Было проанализировано 250 речей депутатов, принадлежащих к разным политическим направлениям (правые, левые, кадеты, октябристы), и представителей правительства.

Цель работы — определить особенности функционирования когнитивных метафор в парламентском дискурсе и выявить их прагматический потенциал на примере речей российских депутатов начала XX в. Данная цель реализуется посредством решения следующих **задач**:

— на основе сопоставления существующих направлений и концепций выработать комплексный подход к анализу метафорики парламентского дискурса;

— установить особенности метафорического моделирования социально-политической жизни государства в речах парламентариев, принадлежащих к различным направлениям;

— показать роль когнитивной метафоры в реализации речевых стратегий и тактик;

— разработать классификацию способов дискредитации метафоры политического противника, выявить их роль в парламентском дискурсе.

Методология и методы исследования. Методологическую основу диссертации составили научные концепции, сложившиеся в рамках теории когнитивной метафоры: теория метафорического моделирования А.П. Чудинова (Уральская школа политической метафорологии), дескрипторная теория метафоры А.Н. Баранова, критический анализ метафоры Дж. Чартериса-Блэка. Кроме того, значительное влияние на данное исследование оказали методики лингвопрагматического анализа политического дискурса (О.С. Иссерс, О.Л. Михалева, О.Н. Паршина и др.).

В работе использованы как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, систематизация, сопоставление), так и собственно лингвистические методы исследования: метод метафорического моделирования, дискурс-анализ, компонентный семантический анализ, контекстуальный анализ, лингвостатистический метод.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые современные методики исследования политической коммуникации используются для комплексного анализа метафорики исторического парламентского дискурса на примере парламентского дискурса Российской империи. Основные научные результаты, полученные автором и содержащие новизну, состоят в следующем:

— выработан комплексный подход к анализу политической метафорики в парламентском дискурсе, сочетающий несколько аспектов: когнитивный, сопоставительный, прагматический, риторический;

— определены особенности метафорического моделирования в историческом парламентском дискурсе, показана связь между языком и политической идеологией;

— установлена роль метафоры как инструмента реализации речевых стратегий и тактик;

— выявлен особый механизм нейтрализации прагматического потенциала метафоры — дискредитация метафоры политического противника, выработана классификация способов его применения.

В результате проведенного исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие **положения**:

1. Анализ когнитивной метафоры в историческом парламентском дискурсе позволяет решить двойную задачу. С одной стороны, с его помощью можно реконструировать картину мира, характерную для отдельного политика, определенной политической группы, общества в целом в конкретный исторический период. С другой стороны, он позволяет показать, каким образом политики использовали язык с целью воздействия, манипуляции, вербуя сторонников в свои ряды и направляя их мысли и деятельность в нужное русло.

2. Политическая позиция, идеология отражается в языковой картине мира, в том числе с помощью метафорического моделирования. Обнаруженные в ходе исследования особенности метафорического представления социально-политической реальности показывают, что приверженцы разных политических взглядов в целом обращаются к одним и тем же сферам-источникам метафорической экспансии, при этом можно отметить и ряд отличий. Во-первых, в дискурсе крайних политических течений, как правых, так и левых, чаще используются живые, креативные метафоры с целью воздействия на адресата, чем в речах представителей более умеренных взглядов. Во-вторых, политики разных направлений в некоторых случаях задействуют различные фреймы и слоты в составе одной и той же метафорической модели для профилирования нужных им смыслов. В-третьих, используя одинаковые метафорические модели, представители разных парламентских партий и фракций высвечивают разные смыслы, актуализируют наиболее значимые для их идеологии концепты.

3. В выступлениях правых депутатов метафора играет важную роль в формировании как деструктивной, так и конструктивной стратегии. Чтобы представить своих оппонентов в отрицательном свете (деструктивная стратегия), правые ораторы используют различные тактики: изображают их как серьезную опасность для русского народа (тактика запугивания адресата); оскорбляют, выставляют в смешном виде (тактика оскорбления и насмешки); обвиняют их в том, что они обманывают и эксплуатируют народ (тактика обвинения). В рамках конструктивной стратегии правые ораторы изображают существующий в Российской империи политический строй как логичный и закономерный (тактика аргументации), как естественный и гармоничный (тактика интеграции).

4. Эффективным средством нейтрализации прагматического воздействия речи политического противника является дискредитация его метафоры. С ее помощью оппонент не только опровергает аргумент пропонента, но и выставляет его в невыгодном свете — как неумелого оратора, как политика, намеренно вводящего аудиторию в заблуждение, как человека, преследующего свои корыстные цели. Дискредитация метафоры политического противника осуществляется с помощью нескольких способов: указания на неуместность метафоры, реметафоризации, расширения метафоры и ретаргетирования.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в выработке комплексного подхода к анализу метафоры в парламентском дискурсе, сочетающего выявление и классификацию метафорических моделей, сопоставление метафоры различных политических группировок, установление речевых стратегий и тактик, реализуемых с помощью метафоры, анализ метафоры в интерактивном аспекте.

Практическая значимость предлагаемой работы связана с тем, что ее результаты могут быть использованы в преподавании таких вузовских курсов, как политическая лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, риторика, теория речевого воздействия и т. д. Кроме того, полученные выводы и собранный материал могут оказаться полезны для исследований в других гуманитарных науках: истории, политологии, социологии, психологии и т. п.

Апробация результатов. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета, а также были представлены автором на всероссийских и международных конференциях: Международной конференции «Язык и литература в научном диалоге» (Ижевск, 2016), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Гуманитарное образование и наука в техническом вузе» (Ижевск, 2017), Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (Ижевск, 2017), Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 2017), Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2018), IV Международной научно-практической конференции «Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы» (Ижевск, 2018), Международной научной конференции «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, 2018).

По теме диссертационного исследования опубликовано 16 работ, в том числе 7 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ (одна из которых включена в базу данных Scopus).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 257 наименований, в том числе 29 на английском языке. Общий объем работы — 208 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обозначены актуальность и научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, сформулированы цель, задачи и методы работы, определены объект, предмет и материал исследования.

В **первой главе «Метафорическое моделирование политической реальности в парламентском дискурсе»** изложены теоретические основания

исследования, а также количественно и качественно охарактеризованы метафорические модели парламентского дискурса Российской империи.

Исследования в русле когнитивной лингвистики показали, что метафора — это не просто декоративное средство художественной речи, риторический прием и способ формирования переносного значения, а базовый когнитивный процесс, в ходе которого одна понятийная область (сфера-мишень) понимается и интерпретируется с помощью другой понятийной области (сферы-источника). Когнитивный подход к метафоре включает несколько важных установок (см. работы Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Дж. Чартериса-Блэка, А.Н. Баранова, Э.В. Будаева, И.М. Кобозевой, О.Н. Кондратьевой, С.Л. Мишлановой, З.И. Резановой, А.П. Чудинова и др.):

1) метафоры, существующие в языке, отражают процессы, происходящие в мышлении человека, и являются важным инструментом исследования когнитивной метафоры;

2) с помощью метафоры человек способен осмыслить сложные и абстрактные явления, обращаясь к более простым и конкретным областям своего опыта;

3) наряду с универсальными метафорами, детерминированными телесным опытом человека, существуют культурно обусловленные метафоры, передающие специфику национальной картины мира;

4) любая метафора одновременно выделяет, «высвечивает» одни аспекты понятия и скрывает, «затемняет» другие, в связи с чем она может служить мощным средством речевого воздействия и манипуляции;

5) в едином континууме представлены различные по форме языковые выражения, объединенные тем, что все они отображают процесс взаимодействия двух понятийных сфер;

6) исследование когнитивной метафоры предполагает обращение к единому пространству языковых (мертвых, узуальных, конвенциональных, лексикализованных) и речевых (живых, окказиональных, креативных) метафор, при этом по-разному решается вопрос, какой тип метафор обладает большей силой воздействия;

7) существование когнитивных метафор в сознании человека обуславливает системность метафор в языке; анализ регулярных метафорических переносов позволяет выделить иерархически устроенные метафорические модели;

8) метафора играет основополагающую роль в конструировании политической реальности и создании политических мифов.

Специалисты в области политической метафорологии подчеркивают важность сочетания когнитивного и дискурсивного подходов к метафоре, т. е. необходимость объединить «описание роли метафоры в категоризации и кон-

цептуализации политического мира с рассмотрением особенностей ее функционирования в реальной коммуникации»². Парламентский дискурс — особая разновидность институционального политического дискурса, для которой характерны следующие особенности (см. работы П. Бэйли, М.В. Гавриловой, Л.К. Граудиной, С.А. Громько, А. Зых, А.С. Константиновой, Е.М. Лазуткиной, Э. Капелы, Е.В. Сапрыкиной, Л.Г. Шамугии, Е.Н. Ширяева и др.):

– специфическая интенциональная основа: не столько победа одного или нескольких участников, сколько согласование различных точек зрения, достижение консенсуса путем публичного обсуждения законопроектов и голосования;

– специфический адресат и адресант: «индивидуально-коллективный адресант» (парламентский оратор обычно выражает не столько свое собственное мнение, сколько позицию определенной политической партии) и двойная адресация (с одной стороны, «внутренняя общественность», т. е. участники заседания, с другой — «наружная общественность», т. е. общество, избиратели);

– неоднородность: парламентский дискурс формируют различные жанры (доклад, депутатское выступление, реплика и т. д.), различные функционально-смысловые типы речи, различающиеся по таким признакам, как информативность, доказательность, экспрессивность;

– четкая регламентированность, протокольность: смена ораторов производится по заранее установленному порядку; парламентарии могут говорить только в том случае, когда председатель предоставляет им слово; председатель организует и направляет ход дебатов с помощью особых реплик; на парламентское выступление накладывается ограничение времени и т. д.;

– полемичность: парламентский дискурс формально состоит из серии монологов на одну и ту же тему, но в сущности имеет диалогическую природу, поскольку высказывание в парламенте должно обязательно содержать согласие либо несогласие с уже высказанными точками зрения и намечать дальнейшую дискуссию.

Парламентский дискурс Российской империи не часто оказывается в фокусе лингвистической рефлексии. Вместе с тем именно с появлением первого российского парламента в 1906 г. зародилась публичная политическая коммуникация в нашей стране³. Анализируя дореволюционную парламентскую речь, мы видим, как выработывалась модель публичного речевого поведения в рамках нового института.

В ходе количественного анализа метафорики политического дискурса возможно использовать как сплошную, так и целенаправленную выборку. В

² Будаев Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 44.

³ Громько С.А. Русский политический дискурс начала XX в.: на материале дискуссии в I Государственной Думе 1906 года: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2007. С. 5–6.

частности, подсчет только живых, креативных метафор позволяет определить, насколько часто политик сознательно обращается к той или иной сфере-источнику для метафорического представления политической реальности, а значит, и для воздействия на сознание адресата. Иными словами, количество живых метафор в составе той или иной модели свидетельствует о степени ее продуктивности.

Для выявления связи между использованием метафоры и политической позицией нами были сопоставлены речи дореволюционных парламентариев, относящихся к трем группам (правым, левым и кадетам), по таким количественным показателям, как частотность живых метафор и продуктивность метафорических моделей. Удалось установить, что представители крайних политических направлений — правые и левые — используют креативные метафоры чаще, чем кадеты, придерживающиеся более умеренных взглядов. С другой стороны, не было обнаружено значительных отличий в продуктивности метафорических моделей. Иными словами, стало ясно, что приверженцы разных политических идеологий в целом обращаются к одним и тем же сферам-источникам метафорической экспансии. Наибольшей продуктивностью в речах разных дореволюционных парламентариев обладают физиологическая, милитарная, морбиальная модель и модель неживой природы. Чуть менее продуктивны литературная, архитектурная и зооморфная метафорические модели.

Вместе с тем, анализируя метафорику трех политических групп, можно отметить и ряд отличий в метафорическом моделировании. Во-первых, политики разных направлений в некоторых случаях задействуют различные фреймы и слоты в составе одной и той же метафорической модели для профилирования нужных им смыслов. Например, в составе физиологической метафорической модели, с одной стороны, выделяются фреймы и слоты, широко представленные в речах всех трех анализируемых групп (относящиеся к фрейму «Физиологические действия» слоты «Рождение, смерть и смежные концепты», «Сон (и его фазы)», «Питание, пищеварение и смежные процессы»), с другой стороны, некоторые составляющие элементы этой модели связаны с определенной идеологией. Так, у правых политиков в приоритете оказываются фреймы «Тело человека» и «Физиологические органы», помогающие осмыслить государство как единый организм, в котором существует четкая иерархия между социальными классами: *...Руки, ноги и рот суть члены одного живого тела, как землевладельцы и земледельцы и все прочие классы суть члены одного живого государственного тела* (Н.Е. Марков).

В речах левых, в свою очередь, активно эксплуатируются метафоры, сопоставляющие осуществление гражданских прав с дыханием (слот «Дыхание» в составе фрейма «Физиологические действия»): *... [После объявления автономии] высшая школа... вздохнула свободно с устранением полицейской опеки, с изгнанием шпионажа и сыска, с изгнанием атмосферы полицейщины* (Е.П. Гегечкори).

Во-вторых, используя одинаковые метафорические модели, правые, левые и кадеты высвечивают разные смыслы, характеризуют наиболее значимые для их идеологии концепты. Так, сфера-мишень морбиальной метафоры зависит от политической позиции говорящего. Правые политики как болезненные явления изображают прежде всего революционное и сепаратистское движение, «разлагающее влияние» инородцев (*революционная саркома, революционный угар, яд пропаганды*). В свою очередь, в речах оппозиционеров в терминах болезни осмысляются деятельность правительства, правых партий, полицейский произвол, национализм (*яд доноительства, рецидив крепостнических взглядов, обнажающаяся язва административных приемов, психоз национализма*). Особое внимание левые уделяют эксплуатации трудящихся масс (помещики — *паразиты, которые живут на народном теле и высасывают из него народные соки*), а кадеты — нарушению закона (*гипертрофия полиции и атрофия закона*).

Во второй главе «**Политическая метафора в речах российских депутатов начала XX века: стратегии и тактики**» выявляется роль когнитивной метафоры в реализации речевых стратегий и тактик на примере выступлений правых дореволюционных парламентариев.

Исследователи отмечают, что в политической коммуникации сосуществуют кооперативная (конструктивная) и конфронтационная (деструктивная) макростратегии, направленные на достижение двух разнонаправленных коммуникативных целей — поиска союзников и отрицательной характеристики противников (см. работы О.С. Иссерс, О.Л. Михалевой, О.Н. Паршиной, Н.Б. Руженцевой и др.). Данные стратегии представлены в речах правых депутатов Государственной думы Российской империи совокупностью нескольких основных тактик. Среди различных инструментов реализации речевых стратегий и тактик немаловажную роль играет когнитивная метафора. Группу метафор, реализующих одну речевую тактику, мы называем констелляцией (термин А.Н. Баранова).

Деструктивная стратегия явно доминирует в речах дореволюционных правых парламентариев. С ее помощью они представляют в невыгодном свете своих оппонентов — прежде всего революционеров, либералов, представителей национальных меньшинств, сепаратистов. Конструируя образ «чужого», правые депутаты прибегают к трем основным тактикам: 1) запугивания адресата, 2) оскорбления и насмешки, 3) обвинения.

Большое значение для дискурса правых политиков (не только дореволюционных, но и современных) имеет создание образа агрессивного, опасного врага, который планирует нанести вред государству и народу. Запугивая адресата нависшей над ним опасностью, правые парламентарии стремятся привлечь его на свою сторону и обосновывают политику, направленную на борьбу с общим врагом: обозначая «чужих», они тем самым очерчивают «свой круг». В рамках данной тактики задействуется констелляция метафор агрессии: опасность, угрожающая русскому государству, метафорически изображается как

вражеская армия, тяжелое заболевание, яд, стихийное бедствие, преступники, опасные животные:

*...Тактика левых фракций в настоящее время не та, которой она была в 1905 г., и эта тактика переменная, эта тактика не боевая, а подкапывающаяся тихой сапой под русскую государственность... (В.М. Пуришкевич). ...Инородческий сепаратизм живет. В то время, когда государство находится в спокойном состоянии, он **тлеет**, он незаметен; но когда государство переживает кризис, он **вспыхивает ярким пламенем**, и это пламя грозит объять пожаром всю страну (Г.Г. Замысловский). Польская гидра разинула во всю свою пасть, чтобы поглотить православие и с корнем вырвать русскую народность (К.М. Околович).*

В рамках тактики оскорбления и насмешки враг представляется как слабый, глупый, ничтожный, акцентируются абсурдность и нелогичность его требований. С этой целью правые депутаты чаще всего сравнивают противников с мелкими и грязными животными, сумасшедшими, неопытными детьми:

*России нужно, великой державе, составляющей часть света, обеспокоенной **мошкой**, здесь у себя под боком, России нужно быть спокойной под Петербургом (В.М. Пуришкевич о Финляндии). Не украинцы требуют, господа, а требует та небольшая горсть политически **свихнувшихся** людей, которой пришла в голову совершенно противоестественная мысль разделить то, что соединено историей (В.В. Шульгин). Вот тут, господа, и видно полное научное **младенчество** авторов этого самого проекта (А.С. Вязигин).*

Задача, решаемая с помощью тактики обвинения, — показать, что противник обманывает народ и использует его в своих корыстных целях. Идею обмана, неискренности передают метафоры азартных игр и театра: *...Мне больно, когда говорят так политики, которые считают себя и высоко зрелыми, и высоко культурными, а я говорю, что они **драпируются в плащ** лжи, обмана и клеветы... (С.Н. Алексеев).*

Представителей национальных меньшинств правые ораторы обвиняют в том, что они бессовестно эксплуатируют русский народ, живут за его счет. Метафоры высвечивают парадокс: крупнейший народ в империи, народ-победитель находится в услужении у покоренных народов, которые относятся к нему как к сельскохозяйственным животным, слугам, рабам. Тем самым правые парламентарии стремятся задеть в русских чувство собственного достоинства, разжечь в них негодование, обиду и вместе с тем желание восстать против существующего несправедливого порядка: *...Неужели вы допускаете возможность, чтобы русский гражданин на своей территории, ...залитой русской кровью, являлся бы **парием** (П.Н. Крупенский) (пария — ‘в Южной Индии — лицо из группы «стоящих вне каст», т. е. лишенных всяких прав, социальных и религиозных’⁴).*

⁴ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>.

Несмотря на явное преобладание деструктивной стратегии, во многих случаях в речах правых депутатов Российской империи используется конструктивная стратегия, в рамках которой ораторы-консерваторы стремятся создать положительный образ сложившегося в Российской империи политического строя. В составе данной стратегии выделяются две основные тактики — 1) аргументации и 2) интеграции.

Используя тактику аргументации, правые парламентарии доказывают, почему именно русским должно принадлежать господство в Российской империи и почему инородцы не вправе требовать автономии. Метафора в таком случае выступает в роли квазилогического довода «размышление по аналогии». Так, в публицистике консервативной направленности и речах правых депутатов активно задействуется метафора «Российская империя — это дом, который построил русский народ». Рассуждение строится следующим образом: русский народ построил дом (создал Российскую империю), значит, он является хозяином этого дома, а все остальные народы — его гости/квартиранты — могут рассчитывать на радушный прием, но не вправе предъявлять хозяину свои требования: *Если правительство будет представлять равные права народу, который в течение тысячи лет строил, сооружал, оборудовал свой дом, и такие же права квартирантам, которые явились, может быть, только вчерашний день и которые говорят хозяину дома: я равен с тобою, потому что плачу квартирную плату, то такое отношение правительства будет равносильно отрицанию собственности на государственный дом. <...> Смешивать квартирантов и домохозяина — это значит отрицать право собственности народа на свое историческое наследие, на свою исторически заслуженную русскую землю* (Н.Е. Марков).

В рамках тактики интеграции правые депутаты внедряют в сознание адресата принцип «Россия едина и неделима» и стремятся снизить градус напряжения в условиях усиления революционного движения и сепаратистских устремлений на окраинах. Для того чтобы показать, что процесс объединения разных народов в российское государство неизбежен и естественен, используются природоморфные и антропоморфные метафоры: «Россия — это огромное водное пространство, объединившее в себе множество рек», «Россия — это солнце, вокруг которого вращаются отдельные планеты», «Россия — это единый организм»: *Но можете ли вы сказать [обращаясь к польским депутатам], что до настоящего времени вы искренне, прямо и открыто делали шаги, чтобы слиться вместе с нами и чтобы работа наша была действительно работой всех славянских ручьев, которые слились бы в русском море?* (В.М. Пуришкевич).

Наиболее высоким положительным эмоциональным потенциалом в констелляции метафор интеграции обладает семейная метафора, профилирующая идею гармоничного развития разных народов и сословий в составе Российской империи. Рисует образ России как заботливой матери или как дружной семьи, в которой все народы — братья, при этом подчеркивается, что русский народ — это старший брат, которому должны подчиняться младшие: *Велика и*

необъятна наша **матушка-Русь**, и много языков и народностей живет на необъятном пространстве Российской империи, и все они не тесно вмещаются **на широком лоне одной нашей любящей матери**, нашей общей родины... <...> Господа, Россия смотрит на всех своих граждан **как на своих родных детей**, у ней нет **пасынков**, нет **отщепенцев**, но пусть же сами иногородцы, населяющие Российскую империю, смотрят на нее **как на родную мать**... (епископ Евлогий). ...Вы [обращаясь к полякам] должны помнить, что вы сейчас **брат меньший**, не гражданин второго разряда, но **брат меньший** по сравнению с тем телом, которое представляет собой Россия (В.М. Пуришкевич).

Полученная модель, отражающая речевые стратегии и тактики, констелляции метафор и основные концептуальные метафоры в речах правых депутатов Российской империи, представлена на рис. 1.

Рисунок 1. Речевые стратегии и тактики в речах правых депутатов сквозь призму когнитивной метафоры

В третьей главе «**Интерактивный аспект метафоры в парламентском дискурсе**» подробно проанализирован особый прием нейтрализации прагматического потенциала когнитивной метафоры, значимый для описываемого дискурса, — дискредитация метафоры политического противника.

Важной характеристикой парламентского оратора является умение опровергать позицию политического противника, критикуя не только аргументы, но и языковые особенности его выступления. В последнем случае метаязыковой комментарий становится инструментом захвата коммуникативной инициативы, разоблачения манипулятивных намерений соперника и умаления его авторитета. Часто в фокусе метаязыковой рефлексии оказывается метафора, особенно развернутая, креативная. Предлагая скептически настроенной аудитории яркий, запоминающийся образ, оратор рискует стать мишенью жесткой критики. Эффективным средством игры на понижение становится

дискредитация метафоры — вербализованная реакция оппонента на метафору пропонента с целью умаления его авторитета и/или развенчания его позиции. Данный прием реализуется с помощью нескольких способов: 1) указания на неуместность метафоры, 2) реметафоризации с использованием другой сферы-источника, 3) расширения метафоры и 4) ретаргетирования.

Наиболее частотным способом дискредитации метафоры политического противника в дореволюционном парламентском дискурсе является расширение метафоры — введение дополнительных элементов из той же сферы-источника, к которой принадлежит метафора-стимул. Расширяя метафору пропонента, ораторы обращаются к трем основным техникам: 1) доведению до абсурда (оппонент гиперболизирует, утрирует исходный образ); 2) приему бумеранга (оппонент соглашается с метафорой-стимулом, но выводит из нее следствия, подтверждающие его собственную позицию и опровергающие позицию пропонента); 3) реметафоризации с использованием той же сферы-источника (оставаясь в границах понятийной области, заданной метафорой пропонента, оппонент вводит новый метафорический сценарий, дискредитирующий позицию пропонента). В следующем примере используется последняя из обозначенных техник расширения метафоры.

В одном из своих первых выступлений в III Государственной думе премьер-министр П.А. Столыпин сказал: *Я буду просить позволения не отвечать на другие слышанные тут попреки. Мне представляется, что, когда **путник направляет свой путь по звездам, он не должен отвлекаться встречными попутными огнями.** Поэтому я старался изложить только сущность, существо действий правительства и его намерений.*

Примечательно, что председатель Совета министров обращается именно к метафоре пути. По мнению Н.Д. Арутюновой, понятия дороги и пути играют необычайно большую роль в русской культуре, поскольку путь — это способ преодоления хаоса, стихии⁵. В своей метафоре П.А. Столыпин использует такие составляющие концепта «путь», как «субъект движения» (сам глава правительства), «препятствия» («встречные попутные огни», т. е. второстепенные вопросы, которые отвлекают от основной задачи) и «то, что указывает путь» (звезды, т. е. основополагающие принципы деятельности правительства). Высокий образ звезды связан одновременно с мореплаванием (традиционная метафора «Государство — это корабль») и путеводной звездой, указавшей волхвам путь к месту рождения Иисуса Христа.

Выступавший на следующий день лидер кадетов П.Н. Милюков жестко раскритиковал основные направления, по которым правительство намеревалось работать в ближайшем будущем, — земельную реформу и реформу местного самоуправления. По его мнению, эти реформы в том виде, который предлагало правительство, не отвечали настоящим потребностям государства. Свой вывод он представил в форме метафоры: *...Я указал вам, где находятся те неподвижные «звезды», которые руководят правительством и которые*

⁵ Арутюнова Н.Д. Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 3.

нам, к сожалению, кажутся теми же самыми *блуждающими огнями* давнишнего происхождения, которые уже руководили всей политикой императора Александра III и благодаря которой государство уже было раз заведено в трясину.

В данном случае П.Н. Милюков использует прием расширения метафоры П.А. Столыпина. Оставаясь в границах концептуальной метафоры пути, лидер кадетов заменяет компонент «то, что указывает путь»: вместо столыпинского образа *звезды* вводится новый образ *блуждающие огни*, т. е. «бледное пламя, появляющееся ночью над могилами и болотами»⁶. Согласно славянским поверьям, блуждающие огни — это души умерших, заманивающие путников на бездорожье. Кроме того, П.Н. Милюков вводит еще и компонент «конечный пункт пути» — *трясина* «зыбкое болотистое место, поросшее мохом и травой»⁷ (именно на болотах появляются блуждающие огни). Лидеру кадетов важно подчеркнуть, что путь, предлагаемый П.А. Столыпиным, уже был пройден и привел к тяжелым последствиям. В результате фигура целеустремленного путника, ориентирующегося по звездам, заменяется на мрачный образ, овеянный суевериями и ассоциирующийся со смертью и хаосом.

Используя прием «указание на неуместность метафоры», оппонент отвергает навязываемую связь между сферой-источником и сферой-мишенью, открыто обвиняет пропонента в использовании неправомерной аналогии и тем самым выставляет его в невыгодном свете. В рамках данного приема задействуется несколько техник: 1) вставка дискредитирующего комментария в метафорическое высказывание; 2) противопоставление буквального утверждения метафоре (объяснение того, что смысл, заложенный в метафоре, не соответствует реальному положению вещей); 3) буквализация метафоры (нарочитое осмысление метафоры в переносном значении); 4) этимологизация метафоры (восстановление этимологии стертой метафоры и указание на неуместность воссозданного первоначального образа для концептуализации сферы-мишени). Рассмотрим контекст, в котором оратор противопоставляет метафоре буквальное утверждение.

В речи 18 ноября 1909 г. левый депутат А.Е. Кропотков, рассказав о случаях грубейшего нарушения неприкосновенности личности со стороны полиции в Вятской губернии, цитирует слова местного губернатора С.Д. Горчакова:

...Затем [вятский губернатор] называет себя конем ретивым, который потоптал невинную траву; если бы этот губернатор вздумал подсчитать, сколько его стражники перепороли людей, он сам испугался бы, что тут не трава, а люди, и кровь людская текла по воле самодержавных стражников из народа.

В словах губернатора содержится зооморфная метафора: стремясь показать себя человеком, проявившим излишнее рвение в работе, С.Д. Горчаков

⁶ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>.

⁷ Там же.

сравнивает себя с конем, потопавшим невинную траву. В данном случае метафора выполняет эвфемистическую функцию: вместо того чтобы прямо признать жестокость полиции, С.Д. Горчаков использует образ ретивого коня, обладающий в русской лингвокультуре положительными коннотациями. Депутат А.Е. Кропотков разоблачает метафору вятского губернатора и показывает истинное положение вещей, выстраивая антитезу с противительным союзом *а* (*тут не трава, а люди, и кровь людская текла*) и противопоставляя тем самым метафорическую и реальную действительность.

Значительно реже ораторы прибегают к реметафоризации с использованием другой сферы-источника (исходная концептуальная метафора отвергается и заменяется на «контрметафору») и ретаргетированию (метафора-стимул эксплуатируется для концептуализации иной сферы-мишени).

Во многих контекстах весьма проблематично отделить один способ дискредитации метафоры от другого, более того, часто они выступают в сочетании друг с другом. Так, оратор может сначала довести до абсурда исходную метафору, тем самым показав ее неуместность, а затем предложить свою «контрметафору», более адекватную, с его точки зрения, для осмысления обсуждаемой ситуации.

В сложном полемическом целом радиальной структуры (термин С.А. Громыко) одна речь, с которой начинается обсуждение определенной проблемы, становится толчком для дискуссии. Если самые важные положения этой первой речи выражены в форме развернутой, креативной метафоры, то такая метафора может стать стимулом, порождающим множество реакций. В таком случае обсуждение политической, социальной, экономической ситуации превращается в многоступенчатую метаязыковую рефлекссию над исходным образом.

Так, в сложном полемическом целом, посвященном обсуждению судебной реформы, важное значение получила метаязыковая рефлексия над метафорой докладчика Н.П. Шубинского «Мировой суд — это статуя»: *Данная работа вовсе не претендует быть какой-нибудь творческой, оригинальной работой, это скорее реставрационный труд... В галерее 60-х гг. государственных учреждений существовало два новых, только что возникших учреждения, которые можно уподобить прекрасным мраморным статуям. Одно из них представляло собой общее судебное учреждение, другое — мировой институт. <...> ...Работа наша... направляется к восстановлению того института, который я уподобил прекрасной статуе. <...> ...Удары молота откололи в русской жизни от этой статуи целый ряд очень больших кусков. Их нужно было заменить. И вот, на этой статуе получилось нечто странное — отколотые куски мрамора заменили кусками самобытной глины, да еще в таком виде, что когда она стала существовать, бесформенность ее поражала всех; а вскоре эти приделки покрылись трещинами. Ваша нынешняя работа будет заключаться в том, чтобы очистить статую от этих налетов из глины, восстановить куски мрамора, свойственные ей, и воссоздать тот институт, ту прекрасную мраморную статую, которой когда-*

то обладала русская государственная жизнь. Н.П. Шубинский представляет историю судебной системы России в виде метафорического сценария: 1-й этап — создание статуи (судебная реформа 60-х гг.); 2 этап — искажение первоначального замысла, повреждение статуи и замена мрамора глиной (упразднение мирового суда и замена его волостным судом); 3-й этап — реставрация (рассмотрение настоящего законопроекта о восстановлении мирового суда). Данный сценарий внушает аудитории мысль о том, что Государственная дума должна выполнить благородную роль реставратора прекрасной статуи, иными словами, согласиться с предлагаемым законопроектом.

К анализу исходного образа обращаются несколько парламентариев, при этом в большинстве случаев ораторы отрицательно оценивают метафору-стимул, а значит, и сам законопроект. Одни парламентарии указывают на неуместность метафоры, противопоставляя созданный образ и реальные факты. Другие прибегают к более сложному приему расширения метафоры, когда оппонент подхватывает первоначальный образ и разворачивает его в выгодном для себя направлении. При этом задействуются различные слоты и концепты фрейма «Скульптура»: уточняется, что это за статуя (Фемида, Галатея, Венера Милосская), кто является скульптором (Паоло Трубецкой), какой материал используется (каррарский мрамор), в каком стиле она выполнена (декоративно-бюрократическом), указываются конкретные детали (нос, голова), подчеркивается хрупкость статуи (может разбиться вдребезги), ее неустойчивость (колосс на глиняных ногах) и т. д.

В парламентском дискурсе Российской империи к дискредитации метафоры политического противника прибегают депутаты, представляющие различные политические силы. При этом, если оппозиционеры (кадеты и левые) чаще всего дискредитируют метафоры представителей правительства, то правые парламентарии используют этот прием в отношении самих оппозиционеров и октябристов. С помощью дискредитации метафоры оратор, с одной стороны, нейтрализует ее прагматический потенциал, защищает свой тезис и разбивает аргументацию пропонента, с другой — выставляет его в невыгодном свете: как неумелого оратора (отрицательно оценивается его коммуникативная компетентность), как политика, намеренно вводящего аудиторию в заблуждение, как человека, преследующего свои корыстные цели, и т. д.

В заключении представлены основные результаты работы, намечены перспективы дальнейшего исследования.

В результате проведенного исследования удалось:

1. Выработать комплексный подход к анализу политической метафоры парламентского дискурса.
2. Выявить связь между политической идеологией и особенностями метафорической репрезентации реальности.
3. Показать роль когнитивной метафоры в реализации речевых стратегий и тактик.

4. Описать интерактивный аспект использования метафоры, а именно особый прием нейтрализации ее прагматического потенциала — дискредитацию метафоры политического противника.

К перспективам диссертационного исследования можно отнести:

— диахронический анализ метафорики русского парламентского дискурса, предполагающий сопоставление парламентской коммуникации Российской империи и современной России;

— изучение связи между идеологией и когнитивной метафорой на материале различных политических текстов на разных языках (метафора в социалистическом, консервативном, либеральном дискурсе и т. п.);

— целостное когнитивно-дискурсивное исследование российского политического дискурса начала XX в. с привлечением текстов различных жанров (парламентские речи, партийные программы, листовки, политические публикации в СМИ, плакаты, карикатуры и т. д.);

— изучение интерактивного аспекта функционирования метафоры в современном политическом дискурсе (например, на материале теледебатов).

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях**:

Статьи, опубликованные в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Дулесов, Е.П. Конвенциональные метафоры в русской и польской политической коммуникации (на материале текстов СМИ, посвященных парламентским выборам) / Е.П. Дулесов // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2015. — № 5. — С. 19–25.

2. Дулесов, Е.П. Прагматические функции зооморфных метафор в дискурсе русских националистов начала XX века / Е.П. Дулесов // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2015. — № 6. — С. 10–16.

3. Дулесов, Е.П. Метафоры гармонизации в дискурсе русских националистов начала XX в. / Е.П. Дулесов // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6. — С. 102–108.

4. Дулесов, Е.П. «Народ свой отчий строил дом, / Слагал Руси державной зданье»: метафора дома в дискурсе русских националистов начала XX в. / Е.П. Дулесов // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2017. — № 2. — С. 273–279.

5. Дулесов, Е.П. Интерактивный аспект использования метафоры в политической коммуникации (на примере метафоры «Мировой суд — это статуя» в речах дореволюционных парламентариев) / Е.П. Дулесов // Политическая лингвистика. — 2018. — № 3. — С. 41–47.

6. Дулесов, Е.П. Расширение метафоры как инструмент дискредитации позиции оппонента (на материале дореволюционных парламентских речей) / Е.П. Дулесов // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 4. — С. 96–100 (издание входит в базу данных SCOPUS).

7. Дулесов, Е.П. Биоморфная метафора в дореволюционном парламентском дискурсе / Е.П. Дулесов // Филология и культура. — 2019. — № 1. — С. 57–63.

Публикации в других изданиях:

8. Дулесов, Е.П. Милитарная метафора в дискурсе русских националистов начала XX в. / Е.П. Дулесов // Язык и литература в научном диалоге. Специальный выпуск: Интегративные процессы в филологии: сборник научных статей. — Ижевск: Удмуртский университет, 2016. — С. 24–30.

9. Дулесов, Е.П. Метафора смерти в дискурсе русских националистов начала XX в. / Е.П. Дулесов // Язык и литература в научном диалоге. Филология в научном и образовательном пространстве: сборник научных трудов. — Ижевск: Удмуртский университет; Гранада: Universidad de Granada, 2016. — С. 156–160.

10. Дулесов, Е.П. Контент-анализ дискурса русских националистов начала XX в. на основе количественных данных о метафорических моделях / Е.П. Дулесов // Гуманитарное образование и наука в техническом вузе: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Ижевск: Изд-во ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, 2017. — С. 261–266.

11. Дулесов, Е.П. Cognitive metaphor as a weapon of Russian nationalism at the beginning of the 20th century / Е.П. Дулесов // XLV итоговая студенческая научная конференция: материалы конференции. — Ижевск: Удмуртский университет, 2017. — С. 326–328.

12. Дулесов, Е.П. Украинский вопрос как сфера-мишень метафорической экспансии в дискурсе русских националистов начала XX в. / Е.П. Дулесов // Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия: материалы Международной научной конференции. — Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2017. — С. 59–62.

13. Дулесов, Е.П. Марков vs Пуришкевич: «метафорическая война» двух правых депутатов / Е.П. Дулесов // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы IX Международной научной конференции: в 2 т. — Челябинск: Челябинский государственный университет, 2018. — С. 12–16.

14. Дулесов, Е.П. Историческая метафора в дискурсе русских националистов начала XX в. / Е.П. Дулесов // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. — Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2018. — С. 252–258.

15. Дулесов, Е.П. Указание на неуместность метафоры как инструмент опровержения позиции политического противника (на материале дореволюционных парламентских речей) / Е.П. Дулесов // Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы: сборник тезисов IV Международной научно-практической конференции. — Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2018. — С. 17.

16. Дулесов, Е.П. Когнитивная метафора как инструмент реализации тактики оскорбления и насмешки в речах правых депутатов Государственной думы Российской империи / Е.П. Дулесов // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация: материалы Международной научной конференции. — Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. — С. 93–96.